
СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

М.-А. И. АСКЕРОВ, Е. А. ИВАНОВ,
А. Р. ШИШКИНА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ШИИТСКИХ ДВИЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ*

Исторически Азербайджан относился к странам с богатой традицией шиизма. Вместе с распадом Советского Союза в Азербайджане происходил религиозный подъем. Несмотря на светский статус государства, легальный статус получило Управление мусульман Кавказа, в котором представлены и шииты, и сунниты. Одним из ключевых событий последнего времени в Азербайджане стала военная операция в Нагорном Карабахе в 2020 г. Эти события послужили точкой сборки для подавляющей части азербайджанского общества. Следовательно, на основании того, как представители различных движений, включая шиитские, работали с карабахской повесткой, можно сделать предположения о перспективах движений в борьбе за собственную аудиторию и участие в политике. В результате было выявлено, что представители шиитских движений не смогли выстроить свое позиционирование в контексте 44-дневной войны, что стало очередным свидетельством кризиса, в котором пребывают шиитские группы, претендующие на значимую роль в азербайджанской политике.

Ключевые слова: Азербайджан, Нагорный Карабах, ислам, мусульмане, шииты, сунниты, религия и политика.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00155).

Введение

Как и другие постсоветские государства, Азербайджан за 30 лет независимости прошел через череду социально-политических трансформаций, в том числе в религиозной сфере. В преамбуле и в статье 7 Конституции прямо указывается на светский характер Азербайджана. В статье 18 говорится, что государственная образовательная система также светская (Конституция АР 2016). Несмотря на декларирование секуляризма и существенное влияние, оказанное коммунистической антирелигиозной пропагандой, в Азербайджане так или иначе сохранялась память о досоветской исламской традиции. Кроме того, с распадом советской системы в стране произошел рост интереса к религии. Хотя исторически в Азербайджане преобладал шиизм, суннизм, а также суфийские учения пополнялись новыми приверженцами.

Для Азербайджана характерно наложение двух пластов: шиитского как религиозно-культурного и тюркского как культурно-языкового. Однако в постсоветский период эти пласты увязываются с внешнеполитическими ориентациями Баку. Сближение с Ираном означало бы усиление позиций шиизма внутри Азербайджана (Jödicke 2017), тогда как сближение с Турцией подразумевает больший акцент на идеях пантюркизма и отчасти неоосманизма.

После распада СССР Азербайджан в большей мере склонялся к турецкому направлению, которое стало основным еще при втором президенте Абульфазе Эльчибее, а окончательно закрепилось при четвертом главе государства Ильхаме Алиеве. При этом в 1990-е гг. турецкая модель была образцом скорее светского государства с умеренным отношением к исламу, тогда как при Реджепе Эрдогане ислам стал одной из опор легитимации национального лидера (Bedford 2016). В результате именно в период сближения Алиева и Эрдогана среди протурецки и/или пантюркистски настроенных азербайджанцев наблюдается постепенный переход из номинального шиизма в практикуемый суннизм.

Помимо этого, постсоветские лидеры государств, где исторически был распространен ислам, выбирали крайне осторожный курс в отношении религии, опасаясь того, что: 1) бурная исламизация приведет к появлению радикальных сил и, как следствие, утрате управляемости страной; 2) она может спровоцировать межконфессиональные конфликты. Поэтому в новых конституциях закреплялся светский характер государства, а сами лидеры пытались

выстроить системы управления религиозными делами, в том числе с использованием институтов (муфтиятов), созданных еще в Российской империи (Иванов, Ураков 2021), и/или практик, переживших советское время. Такие формы взаимоотношений стали известны как «традиционный ислам», «народный ислам» и «официальный ислам» (Ярлыкапов 2006).

В современном Азербайджане взят курс на «национальный ислам» (Балджи 2006), свободный от влияния внешних сил. В стране продолжает действовать Управление мусульман Кавказа, созданное еще при Александре II (тогда территории современного Азербайджана входили в состав Российской империи). В 2001 г. был также учрежден Государственный комитет по делам религиозных ассоциаций. В сферу полномочий комитета входит, в частности, выдача разрешения на занятие должности муллы лицам, получавшим религиозное образование за рубежом. Эта практика также отсылает к периоду Российской империи, поскольку тогда муллы назначались царской администрацией (Гусейнов 2014). Государство участвует в управлении религиозными делами, создавая на базе поликонфессиональной среды единую культурную среду. Так, по указу Ильхама Алиева 2016 г. был объявлен годом мультикультурализма. Одним из мероприятий, направленных на подчеркивание религиозного плюрализма в Азербайджане, стал совместный намаз, совершенный в мечети Гейдара в Баку (Исазаде 2016). Это подтверждается опросами Pew Research Centre за 2013 г. Так, отношения между суннитами и шиитами в Азербайджане довольно спокойные. 1 % опрошенных заявили, что разлад между суннитами и шиитами – это очень большая проблема для Азербайджана, и еще 1 % респондентов ответили, что это сравнительно большая проблема (PRC 2013). Это самый низкий показатель среди стран, в которых живут представители двух крупнейших направлений ислама. Для сравнения, в Ираке распределение ответов было 23 % и 29 %, а в Ливане – 38 % и 29 % соответственно. Возможно, в Азербайджане низкий конфликтный потенциал объясняется тем, что для большинства азербайджанцев шиизм привычен как часть истории и культуры страны, а советский секуляризм снизил общий градус религиозности вместе с противоречиями между группами верующих.

Несмотря на советскую секуляризацию и усиление позиций суннизма, шиизм остается распространенным течением в Азербайджане, а его приверженцы демонстрируют способность к массовой

мобилизации, как это было в Нардаране в 2015 г., низовому активизму (акция с осуждением атаки на азербайджанское посольство в Лондоне в 2022 г.) и даже радикализации (события в Гяндже в 2018 г.). При этом институционально главой Управления мусульман Кавказа остается шейх-уль-ислам Аллахшукюр Пашазаде, тогда как суннитский муфтий – его заместитель. Пашазаде номинально считается главой не только азербайджанских шиитов, но и приверженцев этого течения, проживающих в Грузии и России. При Гейдаре Алиеве, уроженце Нахичевани, граничащей с Ираном, отмечались активизация отношений с Тегераном и усиление связей по шиитской линии. Например, многие молодые люди получали образование в шиитских центрах в Куме и других городах Ирана. Это наследие живо до сих пор, а значит, может оказывать влияние на религиозно-политическую ситуацию в стране.

В существующей литературе, посвященной современному Азербайджану, шиизм часто выпадает из фокуса внимания, уступая место другим аспектам. Политический потенциал шиитских движений изучен недостаточно основательно, хотя, как было показано выше, это направление остается перспективным.

В данной связи встает вопрос о состоянии шиизма в современном Азербайджане, а конкретнее о том, какой политический потенциал шиитских движений сохраняется в стране. Чтобы оценить его, нужно как минимум понимать: 1) какова социальная база возможных сторонников этих движений: от их численности до степени преданности; 2) как эти движения работают с актуальными политическими повестками.

Религиозный состав Азербайджана: сколько же на самом деле шиитов?

Точных сведений по религиозному составу и уровню религиозности Азербайджана практически нет. Имеющиеся оценки расходятся. Традиционно Азербайджан относят к странам, в которых преобладает шиитское направление ислама. Исследователи из Pew Research Center, ссылаясь на сведения Министерства внутренней безопасности США за 2006 г., утверждают, что 99,2 % населения Азербайджана (8,67 млн человек) относятся к мусульманам (PRC 2009a). Эти данные дают лишь первое, весьма смутное представление о положении ислама в Азербайджане. Неизвестными остаются: 1) уровень религиозности; 2) соотношение шиитов, суннитов и прочих. В методологическом разделе, прилагаемом к отчету, сказа-

но, что численность суннитов и шиитов определяется на основании: 1) анализа демографов и исследовательских центров; 2) этнографических данных World Religion Database; 3) прочих научных обзоров и часто публикуемых оценок (PRC 2009b). Следовательно, если в начальных источниках была неточность, которая укоренилась в литературе, то эта ошибка будет кочевать из одного исследования в другое, еще больше тиражируя искаженные оценки. Кроме того, этнографические данные указывают, что PRC использовали грубый подход, учитывая так называемых «этнических мусульман». С одной стороны, это упрощает работу по сбору данных, с другой – не всегда точно отражает реальную картину.

По данным переписи 2009 г., более 8 млн жителей Азербайджана (92 % населения страны) причисляют себя к этническим азербайджанцам. Второй по численности этнической группой в Азербайджане являются лезгины. Согласно последней переписи, в стране проживают 180 тысяч лезгин (2 % населения страны). Более 400 тысяч лезгин проживают в России, преимущественно в Дагестане. Лезгины считают себя разделенным народом. В их среде преобладает суннизм. Для лезгин Азербайджана суннизм служил отличительной чертой от азербайджанцев-шиитов. При этом суннитизация азербайджанцев может стать платформой для их сближения с религиозной частью лезгин, поскольку исламская повестка стремится к вненациональности.

В Азербайджане также проживают два этнических меньшинства, относящихся к ираноязычным народам – это талыши и таты. Вместе их численность достигает 137 тыс. человек (1,5 % населения страны). Исторически шиизм имеет сильные корни в этих группах, подчеркивая их связь с персами и современным Ираном. Для этих меньшинств шиизм сросся с национальным сентиментом. Тогда как этнические азербайджанцы либо все больше номинально связаны с шиизмом, либо переходят в суннизм, талыши и таты в основном сохраняют свою традицию исповедования шиизма, тем самым подчеркивая свою разницу с современными азербайджанцами, как это происходит в случае лезгин-суннитов.

Как уже говорилось ранее, в постсоветский период шиизм по инерции оставался в значительной степени культурной компонентой этнических азербайджанцев. Однако вместе с ростом религиозности среди части азербайджанцев начался переход в суннитское направление ислама. Безусловно, данная связь между уровнем религиозного сознания и вероятностью перехода из номинального

шиизма в активно практикуемый суннизм требует отдельной, более детальной проверки как на больших данных, так и на индивидуальном уровне. Впрочем, на данном этапе за неимением достаточных эмпирических свидетельств можно говорить об этой тенденции только в гипотетическом ключе.

По косвенным источникам можно предположить, что в 1990-е гг. доля шиитов существенно превосходила долю приверженцев суннизма. Байрам Балджи дает свою оценку, полагая, что в середине 2000-х гг. более 80 % жителей Азербайджана относились к шиитам-имамитам (Балджи 2006: 75). Госдеп США в докладе, посвященном религиозным свободам в Азербайджане, ссылаясь на данные Государственного комитета по работе с религиозными организациями Азербайджана за 2011 г., указывает, что мусульмане составляют 96 % населения страны, а соотношение шиитов и суннитов среди мусульман – 65 % на 35 % соответственно (Department of State 2019). Не до конца понятно, на чем основаны эти данные, тем не менее очерчивается тенденция к изменению состава верующих за счет перехода шиитов в суннизм при сохранении общего числа приверженцев ислама в рамках общих демографических изменений. Несмотря на это, судя по оценке Госдепа, в Азербайджане более 5 млн шиитов. Это большая группа людей, которая при грамотно выстроенной таргетированной повестке может стать источником социальной базы шиитских движений.

История взаимоотношений религиозных движений и государства в постсоветском Азербайджане

Распад Советского Союза оказал глубокое влияние на азербайджанское общество. В первые годы независимости Азербайджан, как и другие страны с досоветской исламской традицией, стал питательной средой для целого ряда религиозных и политических движений, боровшихся за влияние в стране (Brondz, Aslanova 2019).

Религиозные организации из Турции, Ирана, стран арабского мира и Северного Кавказа стекались в Азербайджан для распространения своих идеологий. В годы президентства Аяза Муталибова (1991–1992) и Абульфаза Эльчибея (1992–1993) государство практически не вмешивалось в деятельность этих организаций и не оценивало их функционирование как угрозу национальной безопасности. Кроме того, Муталибов в своей деятельности опирался на общественно-религиозную организацию «Qardaşlıq», то есть

«Братство» (Sattarov 2004), а Эльчибей оказывал поддержку многочисленным турецким религиозным организациям (например, Министерству по делам религий «Diyamet Başkanlığı» и Религиозному фонду «Diyamet Vaqfi» [Там же]). В это же время в Азербайджане появились турецкие мечети, религиозные школы, и средства массовой информации пропагандировали суннитский ислам.

Ситуация изменилась с приходом Гейдара Алиева (1993–2003) и Ильхама Алиева (2003 – н. в.), сменившего своего отца во главе государства. В период президентства Гейдара Алиева деятельность религиозных организаций стала восприниматься как угроза, и в Азербайджане была развернута кампания против любых политических проявлений ислама. Объявленная в 2001 г. «война с террором» и все последующие задержания и аресты представителей исламистских партий (от умеренных до радикальных) во многом вынудили «политический ислам» уйти в подполье и спровоцировали кратковременный рост радикального исламизма.

Однако подобная политика не касалась официальных религиозных деятелей. Так, Гейдар Алиев, а затем Ильхам Алиев активно использовали клерикальные структуры для легитимации своего правления (Valiyev 2005). Само официальное духовенство также поддерживало курс нового правительства, поскольку видело в политическом исламизме угрозу для своих позиций в азербайджанском обществе (*Ibid.*).

На сегодняшний день политические партии, находящиеся в оппозиции к Ильхаму Алиеву, никак не интегрируют исламские идеи в свои программы, их повестки полностью светские, в них ощущимо присутствуют либеральная направленность и стремление к «вестернизации» Азербайджана. Тем не менее роль исламского фактора в политических процессах в стране не стоит недооценивать, потому что в ряде случаев ислам может быть серьезным средством политической мобилизации, а также продолжает выступать одной из составляющих государственной идеологии, что, например, было отчетливо видно в период 44-дневной Карабахской войны 2020 г.

Несмотря на то, что потенциальная социальная база для шиитских движений довольно велика, лишь немногие политические партии и движения пытались использовать шиизм в своей риторике и идеологии. Инициаторы большинства таких попыток были обвинены в связях с Ираном и работе на иностранное государство с целью дестабилизации ситуации в Азербайджане. На заре независимости Азербайджан казался иранским революционерам подходя-

щим объектом для экспорта своей идеологии (Rubin 2014). Тем не менее попытки Тегерана втянуть Баку в свою орбиту не увенчались успехом, очевидно, из-за долгого наследия антирелигиозной политики, проводимой Советским Союзом, а также националистических протюркских настроений значительной части населения (Valiyev 2005), что важно, так как в 1990-е гг. Турция предлагала тюркскому миру сравнительно успешную модель светского государства со свободой вероисповедания.

Неспособность Ирана создать эффективное политическое движение для влияния на общественную жизнь Азербайджана заставила его полагаться в основном на маргинальные и радикальные подпольные организации в качестве союзников. В начале 1990-х гг. на азербайджанской политической сцене появилась Исламская партия Азербайджана (*Azərbaycan İslam Partiyası*), которая стала одной из первых проиранских организаций в стране. Она была создана в ноябре 1991 года в поселке Нардаран недалеко от Баку и проповедовала антитурецкие, антитюркистские, антиизраильские и антиамериканские идеи (Shaffer 2004). Важно отметить, что поселок Нардаран значительно отличается от остального Азербайджана и является «бастионом консервативного шиитского ислама» (Fautré 2016). Отдельного внимания заслуживает тот факт, что антитурецкие и антитюркистские идеи, которые присущи всем шиитским политическим движениям Азербайджана, находят отклик прежде всего у представителей таких этнических меньшинств, как талыши и таты. Вторые составляют абсолютное большинство населения в Нардаране (Karasioglu 2016).

В 1995 г. руководство партии было обвинено в организации государственного переворота, что повлекло за собой аресты ее ключевых фигур. Сегодня партия не имеет большого влияния, а ее деятельность в основном ограничивается несколькими поселками вокруг Баку. Летом 2002 г. жители поселка Нардаран вышли на улицы, скандируя религиозные лозунги в знак протеста против тяжелых социально-экономических условий. Они изгнали местные власти и готовились к конфронтации с правительством.

Также в 1997 г. совет из 15 влиятельных азербайджанских религиозных деятелей организовал в стране несколько ячеек, в обязанности которых входило создание партии, действующей в Азербайджане как филиал «Хезболлы» (Valiyev 2008). В феврале 1997 г. в Баку был убит известный азербайджанский историк Зия Буниатов, предположительно азербайджанским отделением «Хезболлы»,

которая ранее неоднократно обвиняла его в том, что он является агентом израильского Моссада и распространяет сионизм в Азербайджане. Пять членов «Хезболлы» были арестованы и приговорены к длительным тюремным срокам. Смерть академика привела к полномасштабной проверке всех связанных с Ираном организаций и фондов. Осенью 2001 г. Министерство национальной безопасности (МНБ) арестовало шесть граждан, предположительно имевших документы, подтверждающие их связь с «Хезболлой». Кроме того, была выявлена сеть из 30 человек. В ходе допросов все арестованные признались в антиправительственной экстремистской деятельности. В течение нескольких месяцев МНСБ уничтожила большинство ячеек «Хезболлы» в стране. Однако важно отметить, что убийство Буниятова до сих пор вызывает много вопросов, и ряд экспертов считает, что он был убит властями, а затем это убийство было использовано как предлог для начала зачистки проиранских сил в стране (De Waal 2013).

Последняя серьезная попытка проиранских сил закрепиться в Азербайджане была предпринята в 2006 г. На этот раз радикальная организация под названием «Северная армия Махди» была создана для борьбы с влиянием США и Израиля и создания «исламской республики по образцу Ирана». Группа из 17 человек, возглавляемая Саидом Дадашбейли, имела контакты с иранским Корпусом стражей исламской революции (Valiyev 2008). По данным МНБ, Дадашбейли встречался с членом КСИР в иранском городе Кум, где ему якобы предложили финансовую поддержку. Тем временем другие члены «Северной армии Махди» проходили военную подготовку в Иране (*Ibid.*). Члены группы были приговорены к тюремному заключению.

Заметными были и протесты в Нардаране, организованные в 2016 г. движением «Мусульманское единство». Хотя последнее и являлось во многом наследником Исламской партии Азербайджана (далее – ИПА), все же его риторика стала более умеренной. Лозунги их во многом совпадали с ИПА, но зачастую были существенно смягчены и направлены скорее на призывы к справедливости и прекращению преследований мусульман-шиитов, нежели требовали совершения исламской революции в Азербайджане.

Лидером движения стал популярный харизматичный проиранский шиитский проповедник Талех Багирзаде. Он учился в Куме с 2010 г. по апрель 2011 г. и вернулся в Азербайджан, чтобы принять участие в акции «Нет – запрету на хиджаб!», которая была

проведена перед Министерством образования в апреле 2011 г. Там он выступал на стороне ИПА и после акции, как и все особо активные ее участники, был осужден, получив относительно большой срок, если сравнивать с остальными осужденными – полтора года лишения свободы. После четырех месяцев подобной деятельности его снова арестовали уже на более продолжительный срок, посадив по делу о незаконном хранении оружия.

Движение «Мусульманское единство» было создано в январе 2015 г. Его лидером заочно был избран Талех Багирзаде, еще отбывавший в то время тюремное наказание. Летом 2015 г. Багирзаде вышел на свободу, и популярность движения стала стремительно расти. Однако активная деятельность вновь ограничивалась поселком Нардаран, где на фоне ухудшения социально-экономического состояния росли антиправительственные настроения.

В ноябре 2016 г. в селе начались протесты, которые изначально были вызваны социально-экономическими проблемами. Однако в ходе протестов развилось недовольство запретом на хиджаб, притеснениями со стороны правительства по отношению к Исламской партии Азербайджана и «Мусульманскому единству». Вначале правительственные силы блокировали село и отрезали его от доступа к электричеству и газу, однако в ответ протестующие решили не сдаваться и продолжать сопротивление. 26 ноября власти провели контртеррористическую операцию, в ходе которой были убиты пять местных жителей, в том числе четверо предполагаемых экстремистов, оказавших сопротивление сотрудникам правоохранительных органов. По словам властей, в обороне участвовали не народные ополченцы, а профессионально подготовленные боевики. Также сообщается, что было изъято четыре автомата, 12 гранат, три взрывных устройства, 10 бутылок с зажигательной смесью и семь ножей. Эти цифры, конечно, весьма сомнительны. Большинство правозащитников говорят о фальсификациях, доказательствах, полученных с помощью насилия, и спекуляциях властей на теме религиозного экстремизма (Fautré 2016). Участники протестов – лидер движения «Мусульманское единство» Талех Багиров и его заместитель Аббас Гусейнов – получили по 20 лет лишения свободы по обвинениям в терроризме и убийстве, еще 16 человек получили сроки до 17 лет. После этого как в Нардаране, так и по всей стране участились аресты представителей происламских организаций, а на подступах к поселку появились КПП.

После нарданских событий 2016 г. на территории самого Азербайджана больше не существует активных шиитских движений, а проиранские силы изменили свою тактику. В 2016 г. было создано движение «Хусейнийюн», и его отличительная черта от всех предыдущих шиитских исламистских групп в том, что все его видные проповедники и лидеры находятся не в Азербайджане, а в эмиграции в Иране (некоторые представители есть и в России), где они могут не опасаться ареста азербайджанскими властями. В самом Азербайджане есть только симпатизанты движения, а его деятельность, соответственно, больше информационная. Существуют также сообщения об участии членов «Хусейнийюн» в гражданской войне в Сирии на стороне проиранских вооруженных формирований.

Лидером движения является проповедник Тохид Ибрахимбейли, который активно ведет свои аккаунты на платформах YouTube и Telegram, где комментирует события, происходящие во внутренней и внешней политике Азербайджана. «Хусейнийюн» видит себя в качестве продолжателей дела Корпуса стражей исламской революции в Азербайджане и считают, что сейчас важно сфокусироваться на популяризации идей исламской революции в обществе, а уже затем возвращаться в страну для возглавления народного восстания против правительства.

Отсылки к религиозному в обращениях Ильхама Алиева к гражданам Азербайджана в период конфликта в Нагорном Карабахе в 2020 г.

Для того чтобы оценить работу религиозных движений с повестками, нам прежде необходимо было понять, каков общий вектор. Поскольку Азербайджан – централизованное государство, то основным транслятором генеральной позиции является президент страны Ильхам Алиев. Поэтому мы учитываем тематическую наполненность его речей-обращений как некий камертон для последующего сопоставления его риторики с риторикой религиозных движений.

В период 44-дневной войны, а также в ходе последующей деэскалации конфликта Ильхам Алиев сделал 10 обращений к нации. Эта беспрецедентная интенсивность использования подобного формата объясняется важностью происходивших событий и их динамикой. В такие периоды лидеры, как правило, ищут поддержки у граждан, поэтому апеллируют к максимально широкой аудитории.

Мы предположили, что в ситуации, когда необходимо сплотить жителей Азербайджана, лидер может апеллировать к таким чувствам, как патриотизм, историческая справедливость, а также к религии. Собственно, подобные отсылки могли бы пролить свет на то, где находятся точки соприкосновения государства и религиозной сферы в Азербайджане.

Заметим, что у нас не было задачи полноценно и детально разобрать все обращения Ильхама Алиева за выбранный период. Мы фокусировались только на фрагментах его выступлений, которые по форме и/или по содержанию могут считаться отсылками к религиозному. Далее, отобрав такие примеры, мы искали в них общую тематику. Хотя в целом в речах Ильхама Алиева преобладала патриотическая риторика, в ней нашлось место религии в том числе. В частности, нам удалось выявить четыре повторяющихся тематики, прямо или косвенно связанных с исламом: 1) пожелание, чтобы Аллах упокоил души шехидов и исцелил раненых (единственный случай, когда фигурирует Аллах); 2) иное упоминание шехидов (как правило, в контексте их военных свершений); 3) упоминание о разрушенных и/или оскверненных мечетях; 4) иное упоминание мусульман и ислама. При этом президент Алиев, делая упор на то, что он президент для всех жителей Азербайджана, упоминает не только ислам, но и, например, древнюю албанскую (удинскую) церковь, сохранению наследия которой он всячески способствует.

Таблица 1

Исламская тематика в обращениях И. Алиева в период 44-дневной войны (цифры в скобках указывают на повторные употребления указанной тематики в рамках одного обращения к нации)

Дата	Повод	Упокое-ние шехидов, исцеление раненых	Иное упоминание шехидов	Реакция на осквернение/разрушение мечетей	Иное упоминание мусульман/ислама
27.09.2020	Начало конфликта	х		х	
04.10.2020	Возвращение города Джебраил	х		х (2)	
09.10.2020	Возвращение поселка Гадрут и др.		х (2)		

Окончание табл. 1

Дата	Повод	Упокое- ние шехидов, исцеление раненых	Иное упомина- ние шехидов	Реакция на осквер- нение/ разруше- ние мече- тей	Иное упомина- ние му- сульман/ ислама
17.10.2020	Обстрел Гянджи	х	х	х	
20.10.2020	Сводки с фронта	х	х (2)	х	
26.10.2020	Месяц с начала боевых действий				х
10.11.2020	Прекращение острой фазы кон- фликта	х		х	х (обобщенно, наряду с другими религиями)
20.11.2020	Возвращение Аг- дамского района	х (2)		х	
25.11.2020	Возвращение Кяльбаджарского района			х	
01.12.2020	Возвращение Ла- чинского района	х			

Добавим, что в своих отсылках к религии президент Алиев не ограничивался только лишь риторическим уровнем. 23 ноября 2020 г., спустя три дня после перехода Агдамского района под контроль Азербайджана, Ильхам Алиев вместе с вице-президентом Мехрибан Алиевой-Пашаевой посетил соборную мечеть в районном центре, где совершил намаз. Это был важный символический шаг.

Шиитские и суннитские политические организации: нарратив в период 44-дневной войны в Карабахе

В предыдущем разделе мы выявили, что Ильхам Алиев использовал отсылки к исламу в своих обращениях к нации, которые он делал во время 44-дневной войны и в последующий период деэскалации. Соответственно, ислам остается элементом риторики правящей элиты. Вероятно, это может быть вызвано тем, что руководство страны осознает значимость религии для граждан Азербайджана.

Далее мы сопоставим то, как шиитские и суннитские группы работали с карабахской повесткой. Для анализа медийного присутствия шиитских движений был выбран YouTube-канал «MÜSƏLMAN XALQ», связанный с движением «Хусейнийюн». Нами были отобраны все видео на политическую тематику, которые выходили на канале за период войны в Карабахе.

28 сентября 2020 г. – видео «Почему Имам Хаменеи не следит за боями, идущими в Азербайджане?» Комментируя обвинения в адрес Хаменеи за его безучастную позицию по разгорающемуся конфликту между Арменией и Азербайджаном, Тохид Ибрахимбейли делал упор на том, что Апрельская война 2016 г. и бои в Товузе летом 2020 г. показали: азербайджанское правительство не интересуется освобождение Карабаха, оно просто «играет в политические игры под руководством таких стран, как Америка, Израиль и Турция». То есть Ибрахимбейли настаивал на том, что это очередное кратковременное обострение, которое принесет лишь гибель людей и не приблизит деокупацию территорий. Можно отметить, что в этом эпизоде, как и в последующих, представители движения будут исходить преимущественно из проиранских позиций, что на фоне национального сплочения и подъема азербайджанского патриотизма играло не в пользу представителей «Хусейнийюн».

2 октября 2020 г. – видео «Обращение к азербайджанскому народу Шейха Тохид Ибрахимбейли». В этом обращении шейх призвал азербайджанцев обратиться за помощью к имаму Хаменеи, так как «Имам Хаменеи и Ось Сопротивления¹ – это единственный путь к свободе Карабаха». Он также утверждал, что сегодня азербайджанский народ обманывают так же, как это было в 1990-е гг., и что «пантюркисты, сионисты и другие сатанинские силы оттеснили Иран и силы сопротивления от Азербайджана» (MÜSƏLMAN XALQ 2020). Военные действия в Карабахе он вновь охарактеризовал как «очередные политические игры».

12 октября 2020 г. – видео «Неуважение к азербайджанским шахидам. Не молчите!». В данном видео Тохид Ибрахимбейли утверждал, что многих азербайджанских солдат, погибших в ходе боевых действий, не позволяют похоронить с почестями. Показа-

¹ Ось Сопротивления – обозначение неофициального регионального союза между правительствами и политическими организациями, созданными преимущественно на идеологической основе исламской революции.

тельно, что шейх фактически перенимает риторику Ильхама Алиева о шехидах, то есть, по сути, говорит о благословенных воинах, павших за дело родины и веры. Почтительное отношение к погибшим солдатам могло бы стать одной из точек демаргинализации движения «Хусейнийюн», но далее в этом же видео Ибрахимбейли заявляет, что война, которая идет в Карабахе, происходит только потому, что это приказ Эрдогана и сионистов. Тем самым он снова обращается к конспирологической и вместе с тем менее популярной в народе трактовке рассматриваемых событий.

14 октября 2020 г. – стрим «Ответы на вопросы жителей Азербайджана. Священнослужители за круглым столом. Где же Иран?». В стриме участвовали сразу три исламских деятеля, связанных с «Хусейнийюн» – шейх Тохид Ибрахимбейли, шейх Орхан Мамедов, шейх Муса Асадзаде. В данном видео они вновь отвечали на обвинения в адрес правительства Ирана в поддержке Армении, а также подчеркнули, что «компасом для каждого шиита Азербайджана является Рахбар (аятолла Хаменеи. – *Авт.*)», поэтому в оценке всех политических событий надо смотреть не на слова правительства Азербайджана, а на слова Хаменеи. Они также добавили, что, согласно фетвам Хаменеи, Нагорный Карабах – азербайджанская земля, и это религиозно-правовой вердикт, который рядовые шииты не вправе оспаривать. Однако также отмечалось, что та война, которая идет в данный момент, ведется под предводительством Ильхама Алиева, которого «Хусейнийюн» видит в качестве прямого оппонента. Учитывая неприятие Алиева «Хусейнийюном», можно заметить, что, согласно логике последних, ни Нагорный Карабах, ни весь Азербайджан не являются местом свободного исповедания веры (в их понимании это только шиизм). Поэтому, если азербайджанцы хотят «освободиться», им необходимо оказывать более активную поддержку силам Оси Сопротивления. Отдельно подчеркивалось, что те солдаты, которые идут на эту войну с искренним намерением освободить мусульманские земли и погибают, являются шахидами и достойны высоких почестей.

24 октября 2020 г. – видео «Те, кто стоит за оккупацией Карабаха, замыслили еще большие преступления против нашего морального духа». Данное видео представляет собой выступление шейха Мусы Асадзаде перед сторонниками «Хусейнийюн» в Иране. В ходе выступления он комментирует новость о том, что при поддержке Турции в Азербайджан отправляют сирийцев из рядов Свободной сирийской армии и группировок, связанных с «Хайат

Тахрир аш-Шам»². Он подчеркивает, что изменение религиозного состава Азербайджана – одна из целей сионистского режима в этой стране, и считает, что сионисты в Азербайджане, как и везде по миру, специально поддерживают такфиристов и ваххабитов, чтобы навредить таким образом Ирану, создав еще одну угрозу терроризма у его границ. В этом видео также отмечалась деструктивная роль Турции, поэтому если народ Азербайджана не выступит против турецкого вмешательства, то его ждет такая же разруха.

Подобная риторика у представителей движения «Хусейнийюн» сохранялась на протяжении всей войны. После завершения горячей фазы конфликта, 17 ноября 2020 г., представители «Хусейнийюн» выпустили видео под названием «Историческая возможность для освобождения заключенных-исламистов», в котором говорилось о скором недовольстве народа президентом Алиевым, поскольку тот подписал «позорный договор с армянами» и выставляет его победой. С тех пор и по настоящее время сторонники «Хусейнийюн» активно занимаются опровержением риторики правительства о победе в войне 2020 г.

Далее мы перейдем к рассмотрению суннитских движений. Белая партия – это политическая партия, которая позиционирует себя как «консервативно-демократическую и правоцентристскую». Она также заявляет о своей приверженности идеологии Неджметтина Эрбакана «Национальное видение» (Milli Görüş) и считает себя близким идеологическим соратником турецкой правящей Партии справедливости и развития, отмечая при этом приверженность идеям «неоосманства». Партия была создана в 2016 г., а большинство видных ее представителей (включая лидера Турала Аббаслы) откололись от другой оппозиционной партии «Мусават». Белая партия представляет себя как оппозиционную, поддерживает дружеские отношения с такими оппозиционными партиями, как «Мусават» и Народный фронт Азербайджана, и часто критикует правительство.

Однако в период 44-дневной войны Белая партия в лице своего лидера Турала Аббаслы отказалась от антиправительственной риторики и всячески поддерживала военные действия, направленные на деокупацию Нагорного Карабаха и прилегающих районов. 4 октября Аббаслы в эфире канала «Siyasi Reaksiya» сказал, что он готов быть «оппозицией победившего государства» и не хочет

² Организация признана террористической Верховным судом Российской Федерации, ее деятельность на территории России запрещена.

быть «правителем проигравшего государства», объяснив тем самым, почему считает неуместным в период войны заниматься антиправительственной деятельностью. Он также отмечал в эфире «Xural TV» 27 октября, что сейчас наступил момент, когда неуместно рассматривать ситуацию с точки зрения «оппозиции» и «властей», потому что на данный момент важнее говорить о внешней угрозе со стороны Армении и тех стран, которые ее поддерживают. В том же эфире он сказал, что правительство Ильхама Алиева выбрало себе самых правильных партнеров в лице «братских Турции и Пакистана». Он также утверждал, что Азербайджан может победить только при поддержке Турции, и Белая партия – одна из немногих политических сил, которая искренне желает процветания двусторонним отношениям «братских мусульманских стран» и прилагает для этого всевозможные усилия.

Родной брат Турала Аббаслы даже лично принимал участие в войне и погиб. 14 октября 2020 г. политик был приглашен в студию канала «Xezer Media», где главным образом говорил о своем брате, но также отметил, что Белая партия сегодня первоочередной задачей видит «сплочение народа и поддержку возврата азербайджанских территорий». Он также сказал, что Белая партия часто критикует правительство за решения в политической, экономической и социальной сферах, однако сегодня необходимо сконцентрироваться на военных действиях, а «к критике вернуться, когда у нас будут Шуша, Агдам и Ханкенди».

Наконец, в день окончания войны Турал Аббаслы отправил поздравление на имя президента в честь победы в 44-дневной войне. В поздравлении также отмечалось, что в ходе войны Белая партия «действовала не из своих политических интересов, а из интересов всей нации и всего государства». Поздравление даже было опубликовано на официальном сайте президента Азербайджана.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что несистемные шиитские движения, оказавшись за рамками площадок для диалога, предложенных государством, стремительно маргинализировались. 44-дневная война в Азербайджане стала периодом национальной консолидации, поэтому шиитские активисты могли использовать патриотическую риторику для возвращения в конвенциональное русло и поиска новых каналов коммуникации с потенциальными сторонниками. Однако риторика представителей шиитских движений продолжила

идти вразрез с позицией официального Баку, а крайние взгляды не снискали поддержки рядовых граждан. Таким образом, 44-дневная война не только не стала некоторым шагом к нормализации шиитских движений, но и еще больше обнажила их несистемность и даже радикализм.

Литература

Балджи, Б. 2006. Судьбы шиизма в постсоветском Азербайджане. *Этнографическое обозрение* 2: 83–84.

Гусейнов, Р. 2014. История исламских институтов в Азербайджане (XIX–XXI вв.). *Кавказ и глобализация* 8(1–2): 86–94.

Иванов, Е. А., Ураков, П. М. 2021. Институт Духовных Управлений мусульман во взаимоотношениях мусульманских общин с государством на примере Татарстана и Дагестана. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроразоне нестабильности и их глобальный контекст* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель.

Исазаде, Ф. 2016. Шииты и сунниты в Азербайджане бок о бок совершили пятничный намаз. *Интерфакс-Азербайджан* 16 января. URL: <http://interfax.az/view/662535>.

Конституция АР. 2016. URL: <https://mincom.gov.az/ru/view/pages/13/>.

Ярлыкапов, А. 2006. «Народный ислам» и мусульманская молодежь Центрального и Северо-Западного Кавказа. *Россия и мусульманский мир* 7: 52–74.

Bedford, S. 2016. Turkey and Azerbaijan: One Religion – Two States? In Ismayilov, M., Graham, N. A. (eds.), *Turkish-Azerbaijani Relations: One Nation – Two States?* London: Routledge. Pp. 127–149.

Brondz, I., Aslanova, T. 2019. Sunni-Shia Issue in Azerbaijan. *Voice of the Publisher* 5(1): 1–6.

Department of State 2019. 2019 Report on International Religious Freedom: Azerbaijan. URL: <https://www.state.gov/reports/2019-report-on-international-religious-freedom/azerbaijan/>.

De Waal, T. 2013. *Black Garden: Armenia and Azerbaijan through Peace and War*. New York; London: NYU Press.

Fautré, W. 2016. Are Taleh Bagirzade and other Nardaran Shia Muslims FoRB Prisoners? URL: <http://hrwf.eu/wp-content/uploads/2016/08/Are-Taleh-Bagirzade-and-other-Nardaran-Shia-Muslims-FoRB-prisoners.pdf>.

Jödicke, A. 2017. Shia Groups and Iranian Religious Influence in Azerbaijan: The Impact of Trans-boundary Religious Ties on National Religious Policy. *Eurasian Geography and Economics* 58(5): 533–556.

Karasioglu, I. K. 2016. *Iranian Encounters in Azerbaijan: The Case of Nardaran* (Doctoral dissertation, Columbia University).

MÜSƏLMAN XALQ 2020. Азербайджанский Исследовательский Центр Исламского Движения Сопротивления «Хусейнийюн». URL: <https://www.youtube.com/@MUSELMANXALQ313/featured>.

PRC

2009a. Interactive Data Table: World Muslim Population by Country. Mapping the Global Muslim Population. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2009/10/07/mapping-the-global-muslim-population23/>.

2009b. Methodology for Sunni-Shia Estimates. Mapping the Global Muslim Population. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2009/10/07/mapping-the-global-muslim-population20/>.

2013. Many Sunnis and Shias Worry about Religious Conflict. Religion & Public Life, 7. *Pew Research Centre*. URL: <http://www.pewforum.org/2013/11/07/many-sunnis-and-shias-worry-about-religious-conflict/>.

Rubin, M. 2014. *Azerbaijan's Iran Problem*. Washington, DC: American Enterprise Institute for Public Policy Research.

Sattarov, R. 2004. Islam as a Political Factor in Post-Soviet Azerbaijan. *Central Asia and the Caucasus* 4(28).

Shaffer, B. 2004. *Islamic Party of Azerbaijan. Political Organization in Central Asia and Azerbaijan*. London: Routledge.

Valiyev, A. 2005. Azerbaijan: Islam in a Post-Soviet Republic. *Middle East Review of International Affairs* 9(4): 1–13.

Valiyev, A. M. 2008. Foreign Terrorist Groups and Rise of Home-Grown Radicalism in Azerbaijan. *HUMSEC Journal* 2: 95–112.